

Отзыв

официального оппонента о диссертации

Наумова Сергея Сергеевича

«Гуманитарная интеллигенция как субъект исторической памяти в пространстве крупных городов Западной Сибири (1985-2000 гг.)»

В начале ХХI в. в развитии отечественной исторической науки происходят масштабные, почти революционные перемены. Меняются базовые методологические установки, источники информации, государственная политика памяти и целый ряд других факторов прямо или косвенно влияющих на выбор тем диссертационных исследований. История отечественной интеллигенции на самых разных этапах ее существования вызывала и вызывает большой интерес не только среди профессиональных историков, но и среди многих политиков, чиновников, деятелей культуры и искусства. Споры о роли интеллигенции в судьбе страны носят очень ожесточенный эмоциональный, часто политизированный характер. Особое место в этих спорах занимают сюжеты, связанные с провинциальной интеллигенцией.

В контексте таких споров тему диссертации С.С. Наумова, на наш взгляд, можно признать и актуальной, и очень важной с научной точки зрения.

Мы разделяем позицию соискателя, который утверждает, что сегодня есть возможность «говорить о социокультурном влиянии «перестройкой» интеллигенции на формирование коллективной памяти поколений» (с. 4) и этой возможностью целесообразно максимально быстро воспользоваться.

К числу очевидных достоинств работы можно отнести очень подробный историографический обзор (с. 5-33), который позволил соискателю показать многие важные процессы, происходившие, в тех направлениях как в отечественной, так и в зарубежной науке, что были ориентированы на изучение исторической памяти и истории интеллигенции. Такой обзор позволяет лучше понять методологическую конструкцию, представленной диссертацией. Попытка разделить историографический раздел диссертации на 4 блока выглядит обоснованной. Но вызывает удивление слабое использование автором диссертации материалов, размещенных в русскоязычном сегменте интернета, и требующих, на наш взгляд, отдельного упоминания и исследования.

Достаточно традиционными для диссертационных работ такого рода, на наш взгляд, выглядят формулировки цели, объекта и предмета исследования. Предлагаемые формулировки задач содержательно возражений не вызывают. А вот предлагаемые хронологические и территориальные границы исследования обоснованы, по нашему мнению, во многом формально. В научной литературе существует (во многом оправданная, на наш взгляд,) точка зрения, что реальные процессы реформирования советского общества начались не в 1985 году, а несколько

позже (особенно это касается советской «провинции»), шли очень неравномерно и непрямолинейно. В еще большей степени это касается процессов, происходивших в 90-е гг. XX в., которые не были однозначно остановлены в 2000 г., и продолжались еще в инерционном режиме, как минимум несколько лет. Попытка сузить территориальные рамки исследования до двух крупнейших городов Западной Сибири, безусловно, имеет свою исследовательскую логику, но требует более развернутого объяснения, так как по сути дела изолирует эти города из очень сложной системы взаимоотношений Омска и Новосибирска с другими западносибирскими городами и столичными центрами страны.

Поставленные цель и задачи обусловили композиционное построение основной части диссертации, состоящей в итоге из 2 глав и 8 параграфов.

Следует обратить внимание на то, что для реализации своего исследовательского замысла Сергей Сергеевич использует обширную источниковую базу. Ее развернутая характеристика представлена во введение диссертации (с. 45-54). Заслуживает поддержки стремление автора использовать в работе визуальные источники, картографические материалы, комплекс вещественных источников, а также введение в научный оборот, прежде не опубликованных материалов. Следует согласится с очень важным утверждением С.С. Наумова о том, что «для раскрытия содержания деятельности гуманитарной интеллигенции по конструированию и трансляции памяти необходимы не только учёт контекста эпохи, но и верификация одного комплекса источников при помощи другого, обращение к «неочевидным» субъективным источникам вроде зафиксированных свидетельств участников событий или вещественных материалов (с проведением работы по их интерпретации) и комбинация источников» (с. 54).

Первая глава диссертационного исследования С.С. Наумова посвящена анализу организационно-институциональных основ деятельности гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска по формированию локального пространства памяти.

Желание автора начать исследование этих основ с изучения опыта работы отделений Всесоюзного (Русского) географического общества выглядит логичным и обоснованным. Одно из старейших объединений представителей отечественной интеллигенции имело богатые дореволюционные и постреволюционные традиции работы в самых различных регионах государства, в том числе и в Западной Сибири.

Мы разделяем один из главных выводов, сделанных соискателем, о том, что «Омский отдел ГО внёс существенный вклад в формирование новых мест и точек памяти и реализацию различных коммеморативных практик (открытие новых мемориальных досок, организация научно-практических конференций, выпуск краеведческих изданий, проведение публичных лекций, активная просветительская работа в СМИ)» (с. 80), а вот попытка объяснить менее заметные результаты в деятельности Новосибирского

Отдела РГО наличием в регионе «множества организаций подобного профиля» (с. 81), на наш взгляд, оказалась недостаточно убедительной.

С формальной точки зрения Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры в целом и его омское и новосибирское отделения в частности имели менее богатую и долгую историю, чем региональные отделы Российского Географического Общества. Но при этом они вели более целенаправленную деятельность по сохранению исторического наследия двух крупнейших городов Западной Сибири. Мы согласны с одним из основных выводов С.С. Наумов, сделанных в рамках первой главы диссертации о том, что «наполнение городского пространства новыми мемориальными объектами, восстановление культовых сооружений, борьба за сохранение деревянной архитектуры – всё это изменяло восприятие людьми пространства их бытования, пробуждало интерес к истории» (с. 125), но считаем, что тезис об «огромном влиянии» на этот процесс именно региональных отделений ВООПИиК, требует дальнейшей аргументации.

Творческой удачей автора диссертации можно считать третий параграф первой главы, посвященный инициативам Советского (Российского) фонда культуры, реализованным и нереализованным в регионе в исследуемый период. Вывод, сделанный автором по итогам работы над этим сюжетом диссертации, гласит: «Формируя новые образы и символы, интеллигенция Омска и Новосибирска внесла свой вклад в конструирование неповторимого облика этих городов, но многие её представители оказались не способны отстоять свои идеалы в бюрократических «играх»» (с. 157). В самом тексте работы приведены примеры, подтверждающие этот вывод.

С учетом целого ряда объективных и субъективных факторов сюжет, ставший основой четвертого параграфа первой главы диссертации С.С. Наумова можно считать одним из самых сложных. В этом параграфе речь идет о создании и деятельности в Омске и Новосибирске историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал». Одним из главных итогов работы отделений «Мемориала» в Западной Сибири С.С. Наумов считает сооружение памятников жертвам политических репрессий. Соискатель утверждает, что «если идеологическая оценка роли этих мемориалов в новейшей российской истории пока не может быть однозначной, то свою гуманистическую миссию памятники жертвам репрессий в большей степени выполняют, став при этом неотъемлемой частью мемориального пространства городов Западной Сибири» (с. 187). События уже ближайших нескольких лет, на наш взгляд, подтвердят или опровергнут справедливость этого вывода.

Вторая глава диссертационного исследования, посвящена анализу презентаций прошлого и историко-культурной рефлексии представителей гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска в 1985-2000 гг.

Очень важным представляется нам вывод, к которому соискатель приходит в рамках первого параграфа второй главы диссертации, завершая анализ процессов актуализации дореволюционной истории в пространстве памяти и усиления научно-художественного сегмента мемориальной

культуры. «Многолетняя борьба с прошлым наделила его мифологическими чертами (со знаком «плюс»), закрепив добродетельный образ ушедшей эпохи в сознании людей 1990-х» (с. 213), - утверждает С.С. Наумов. В значительной степени материалы диссертационного исследования подтверждают этот вывод. Особенно ярко данный процесс проявился при обсуждении представителями гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска проектов поувековечению имени Ф.М. Достоевского в Омске (с. 195-197), в дискуссиях о личности И.Д. Бухгольца и его роли в возникновении города Омска (с. 201-203), в спорах об истории сибирского казачества и др.

Намного более болезненным оказался процесс осмыслиения исторического опыта XX века, что соискатель вполне убедительно показал во втором параграфе второй главы диссертации, особенно в сюжетах, посвященных образам А.В. Колчака в культурной памяти сибиряков (с. 217-223), истории сталинизма (с. 227-229) и т.д.

Попытка раскрыть на основе материалов фондов личного происхождения видных представителей гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска возможности этого источника при изучении проблем влияния интеллигенции на формирование образов и символов исторической памяти, предпринятая соискателем в рамках третьего параграфа второй главы диссертации, на наш взгляд, может быть оценена положительно. С.С. Наумову действительно удалось существенно углубить общие представления о «творческой лаборатории» многих известных представителей гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска.

Высокой оценки заслуживает попытка автора диссертации исследовать феномен «обратной связи», то есть реакции общества на изменение политики памяти. При очень ограниченной источниковой базе доступной при анализе данной проблемы, С.С. Наумову удалось доказать, что «субъективная память, получившая право на существование, сформировала посредством этой «обратной связи» новые вариации коллективных представлений о прошлом» (с. 288).

Мы очень высоко оцениваем те выводы, которые автор диссертации, сделал в заключительной части своего исследования. Они демонстрируют высокий уровень профессиональных навыков и компетенций, которыми обладает С.С. Наумов. Желание разделить историю деятельности гуманитарной интеллигенции Западной Сибири по формированию исторической памяти в 1985-2000 гг. на пять этапов выглядит понятным и логичным, но, на наш взгляд, как и любая попытка установления точных хронологических границ социального процесса, носит условный характер. А вот итоговый вывод диссертации о том, что «историко-просветительская деятельность интеллигенции Омска и Новосибирска в 1985–2000 гг. в целом оказала положительное влияние на жизнь регионов, поскольку способствовала укреплению культурного многообразия, выстраиванию диалога внутри общества, а также была направлена на активизацию гражданской инициативы и формирование гуманистических ценностей» (с. 301), мы считаем безусловно обоснованным.

Вместе с отмеченной высокой оценкой работы С.С. Наумова хочется высказать и несколько замечаний.

Во-первых, при характеристике методологической основы диссертации соискатель перечисляет традиционные для работ такого типа методы такие как историко-сравнительный, историко-ретроспективный, историко-генетический (с. 44). При этом он декларирует использование «локального исследовательского подхода», не уточняя, что он понимает под таким подходом и как такой подход соотносится с другими подходами и методами, использованными в работе.

Во – вторых, в работе активно и оправданно используется понятие «память» и производные от него. Например, «пространство памяти», «культурная память», «историческая память». Однако развернутого определения базового понятия «память» представлено не было.

В-третьих, к сожалению, в работе не представлены развернутые биографии, руководителей общественных объединений гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска, через призму которых можно было бы лучше увидеть многие аспекты работы этих объединений.

В-четвертых, в работе ощущается «дефицит» статистической информации, позволяющей, например, понять особенности состава, Омского и Новосибирского отделов РГО, или местных отделений ВООПИиК. Изучение изменений, происходивших в составе этих отделений и отделов в исследуемый период, могло бы дать основание для еще более интересных и глубоких выводов. Еще более полезной такая статистика могла бы оказаться при анализе феномена «обратной связи» или эффективности работы объединений западносибирской интеллигенции по формированию исторической памяти в пространстве крупных городов региона.

В-пятых, автор, на наш взгляд, несколько искусственно отделил деятельность гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска в исследуемый период, от деятельности других ее групп. Необходимо более глубоко обосновать возможность такого разделения именно при анализе процессов формирования исторической памяти.

В-шестых, не удалось автору показать и механизмы взаимодействия региональных объединений интеллигенции с центральными органами союзного, а затем и федерального подчинения. Процесс разрушения такого взаимодействия в годы «перестройки», на наш взгляд, заслуживает глубокого исследования, что позволило бы углубить научные представления о процессах, происходивших в регионах в 80-90-е гг. ХХ в. Остается не ясным почему при анализе сюжетов, связанных с деятельностью гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска, не учитываются процессы происходившие с гуманитарной интеллигенцией других западносибирских городов (Барнаул, Кемерово и т.д.), ведь именно в 80-90-е годы ХХ в., контакты между представителями такой интеллигенции заметно возросли.

В – седьмых, возможно, автор существенно упростил ситуацию, утверждая, что «основным каналом трансляции исторической памяти в крупных городах Западной Сибири в указанный период была периодическая

печать» (с. 191). Для такого вывода, который исключает из поля зрения автора диссертации работу телевидения и радио, требуются серьезные доказательства.

Разумеется, высказанные замечания не меняют общего положительного впечатления от работы С.С. Наумова, как самостоятельного законченного исследования, обладающего достаточно высокой степенью новизны, вносящего свой заметный вклад в изучение проблем формирования исторической памяти в пространстве крупных городов западной Сибири в 1985-2000гг.

Диссертация написана хорошим литературным языком и обладает требуемыми качествами научного исследования.

Промежуточные результаты исследования соискателем были опубликованы в 12-ти научных публикациях, в том числе в 5-х статьях в ведущих журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Автореферат и тексты опубликованных статей адекватно отражают содержание рукописи диссертации.

Диссертация Сергея Сергеевича Наумова «Гуманитарная интеллигенция как субъект исторической памяти в пространстве крупных городов Западной Сибири (1985-2000 гг.)» соответствует требованиям п. 9-11, 13, 14 Положения «О присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (в редакции от 28 августа 2017 г., Постановление Правительства РФ № 1024). Автор диссертации С.С. Наумов заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – отечественная история.

Я, Сибиряков Игорь Вячеславович, даю согласие на обработку моих персональных данных и включение их в аттестационное дело соискателя.

Сибиряков Игорь Вячеславович
доктор исторических наук, по специальности
07.00.02. Отечественная история, профессор,
Профессор кафедры Отечественной и зарубежной истории
Южно-Уральского государственного университета
(Национальный Исследовательский Университет)
Россия, 454080, Челябинск, пр. Ленина 76,
Тел. 83512679900
E-mail: info@susu.ru

27 апреля 2023 г.